

ОЛЬГА ПТИЦЕВА

БАР «ПОЛЫНЬ»

СПИН-ОФФ К СЕРИАЛУ
«ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ ПОЛЫНЬ»

18+

KION
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР МТС

Ольга Птицева

Бар «Полынь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74476041

Бар «Полынь»:

ISBN 978-5-00216-080-8

Аннотация

Спин-офф к сериалу «Там, где цветет полынь».

Костя Кречетов (Кречет) – фельдшер в городской больнице. В его нелегкой жизни обычно всё, кроме одной странной способности. Стоит Кречету лишь взглянуть на человека, как перед глазами рисуются страшные видения, сводящие с ума. Видения, пахнущие полыню. Костя называет это смертельной гиперестезией, другие могли бы назвать умением видеть смерть, если бы только подозревали об этом странном даре.

Все меняется, когда в один день Кречет попадает в таинственный бар, обитатели которого также, как и он, чувствуют терпкий запах горькой полыни...

Я – полынь-трава,

Горечь на губах,

Горечь на словах,

Я – полынь-трава.

Ника Турбина, 1982

Три факта:

1. В основу рассказа лег сценарий одноименного сериала.

2. Новая история по мотивам мистического бестселлера «Там, где цветет полынь».

3. Путь становления одного из самых противоречивых персонажей сериала.

Ольга Птицева

Бар «Полынь»

Кречет смотрит на свою руку, и его начинает подташнивать. Рука обычная, ничего такого. Чуть загорелая, пальцы длинные, ногти короткие, на безымянном пальце белое пятнышко, наверное, стукнулся, пластина повредилась, вот оно и появилось... «О чем я думаю-то?» – думает Кречет, и тошнит его уже во всю силу. Он сглатывает, рука непроизвольно дергается в такт.

– Решайся, Костя, – говорит Юфа.

От нее пахнет сухой полынной травой, Кречет вдыхает поглубже, прогоняет тошноту знакомой горечью. И даже легче становится, и рука расслабляется – просто лежит теперь на столе, будто уже отделилась. «Уже», – отмечает про себя Кречет.

– Надо решиться, Костя, – выдыхает Юфа ему прямо на ухо.

Полынь окутывает Кречета с ног до головы, словно кокон. Только рука остается снаружи вместе с Юфой. Кречет сглатывает еще раз и закрывает глаза.

* * *

Дежурство выдалось так себе. Кречет стоял во внутрен-

нем дворики и яростно грыз яблоко. Курить хотелось до дрожи, но Евочка научилась так живописно морщиться, когда он наклонялся для приветственного поцелуя, что пришлось бросить.

– Угостить сигареткой? – будто почувствовав его страдания, спросил водитель скорой, кажется, Михаил Николаевич.

– Бросил, – коротко ответил Кречет и выплюнул яблочное семечко себе под ноги.

Папа учил, что в этих семечках самая польза, но йода Кречету хватало и без того. Он желтым впитывался в кожу так глубоко, что не оттереть. И под ногти тоже.

– Спортсмен, что ли? – Кажется-Михаил-Николаевич смотрел неодобрительно. – Или болеешь?

Можно было бы и уйти, но тот же папа учил, что старших надо уважать, а не сваливать от них, оставляя без ответа повисший вопрос.

– Да вредно это, – начал Кречет. – На лабе вскрытие показывали по онкологическому отделению. У мужика бронхи в труху просто. Вот я и проникся.

Кажется-Михаил-Николаевич фыркнул, утер рукавом вырвавшуюся из носа соплю и деловито полез в карман за сигаретной пачкой.

– А я так думаю, все там будем. Чего беречься-то?

Он прикурил от зажигалки, затянулся и выдохнул целое облако табачного дыма. Нужно было отойти, но Кречет жад-

но подался вперед. Полынь ударила в нос резко и плотно. В мигом сгустившемся тумане мелькнула ночная трасса, ароматизированная елочка, прицепленная на лобовое стекло, и руки, сползающие с руля. Кречет закашлялся от неожиданности. А когда открыл глаза, кажется-Михаил-Николаевич смотрел на него с жалостью.

– А может, и правда тебе побережться надо, – с глубоко-мысленным видом сказал он и пошел к машине с красным крестом на боку.

Всматриваться в его идущую через туман фигуру Кречет не стал – руль в полынном видении был точно не от казенного уазика, и на том спасибо. Подышал немного, упершись липкими от яблочного сока ладонями в колени, и вернулся в приемный покой. Через два дня кажется-Михаил-Николаевич заснет за рулем своей потрепанной «Лады». В отделении поохают, скинутся на венок и забудут. Осиротевшие смены на скорой раскидают между другими водителями, и если они Кречету курева предлагать не станут, то он из чувства благодарности всматриваться в них тоже не начнет. Вот такой нейтралитет.

– Кречетов, на приеме сегодня? – спросил его пробегающий мимо Кропоткин.

– Ага. – Кречет бухнулся на кресло у стола, заваленного амбулаторными картами. – Я бумаги заполню и подойду.

– Не тормози только. – Кропоткин навис над ним, неодобрительно разглядывая папки. – Без тебя опять помирать нач-

нут.

Хохотнул и скрылся в коридоре. Кречет потер лицо и принялся заполнять графу предварительного диагноза Татьяны Валентиновны Мацан, пятидесятого года рождения. Из общего зала приемного покоя настойчиво тянуло полынью, что и понятно. Для Кречета ее горечь привычно мешалась с резким запахом антисептика и хлора. Он научился не обращать внимания – в больнице умирают, так что пахнет тут не только борьбой со смертью, но и самой смертью. А что ее запах не каждый чувствует, так мало ли девиаций? У кого-то дальтонизм, у кого-то повышенная гибкость суставов, а кто-то нутром чувствует, как на собеседника наползает смерть. Тянется туманными лапищами, горчит на языке и в глазах режет. Кречет даже пробовал придумать определение этой повышенной чувствительности к чужой смерти. Мортальная гиперестезия, например.

– Кость! Тебя там бабка какая-то требует. – Зоя заглянула в фельдшерский кабинет и стянула маску.

– Так Кропоткин уже принимает, меня-то чего? – удивился Кречет, отрываясь от записей.

– Я ей сказала, что врач на месте. А она в меня ваткой кинула, припадочная какая-то. – Поправила маску и снова исчезла в зале.

Только припадочных Кречету не хватало. Евочка всю ночь ворочалась в соседней комнате, начинала поднывать, требовала то горячего молока, то соску, то посмотреть мультфильм.

тики. Нина пыталась удовлетворить ее желания беззвучно. Но в итоге молоко грела мама, а мультики Кречету пришлось взять на себя. Заснула Евочка ближе к пяти, когда до подъема на дежурство оставалось полтора самых сладких часа. Но их Кречет просидел на кухне вместе с сестрой.

– Я совсем не справляюсь, Кость, – повторяла она. – Не могу, не могу, не могу. Я себя уже не помню. И самое ужасное, что легче не становится.

Кречет сумрачно разглядывал цветки, распутившиеся на маминой гортензии, и молчал. Врать, как остальные, он не мог. Мол, ну что ты, Нина, все еще наладится, Евочка перерастет, догонит, на ножки встанет. Кречет знал, что не встанет. И не догонит. И точно не перерастет. А значит, с этим нужно учиться жить. И режим сна восстановить. И за поддержкой обратиться. А главное, перестать делать вид, что это временно. Пока Евочка живет, ничего не изменится.

– Я даже иногда думаю, – страшным шепотом откликнулась на его мысли Нина. – Может, стоило врачей послушаться и не рожать ее? Вдруг Денис был прав?..

Кречет сжал зубы, беззвучно отодвинул стул и пошел умываться. Внутри стало солоно, отдавало железом. Будто он снова получил по зубам от бывшего мужа сестры, но все-таки выпнул его из квартиры. Тогда Кречету очень хотелось почувствовать полынь. Разглядеть, как этот ублюдок закатывает стеклянные глаза и давится пеной, заходясь в передозе. Но в анамнезе мортальной гиперестезии не было умения

управлять чужой гибелью. Только предчувствовать ее. И, к сожалению, Денису скорой смерти можно было не опасаться.

Чего нельзя было сказать про бабуку, что дожидалась Кречета в дальнем углу приемного покоя. Была она высокая и сухая, седые волосы собирала в косу и держалась так гордо, будто это не у нее во рту не хватало большей части зубов.

– Юфия Григорьевна, – спросил Кречет, подглядывая в карту. – Что вас беспокоит?

– Здравствуй, Костя, – неожиданно разулыбалась бабука, легко поднялась на ноги и взяла его за локоть. – Как хорошо, что я тебя тут застала. Поговорить бы нам.

Кречет осторожно освободил локоть и решил уточнить:

– Вы меня, может, путаете с кем-то?

Удивляться чужим странностям он уже перестал, но бабука вела себя так, будто знакомы они были давно и крепко, правда, таких знакомств Кречет старался не водить. Обычно пожилые пациентки либо требовали кого постарше и опытнее, либо, наоборот, прицеплялись, как лесной клещ, так просто не оторвать. И звонили на личный телефон, который он по доброте душевной в начале практики оставлял им. Отвечай потом на обеспокоенные вопросы про давление и опухшие ноги что-то кроме «ну, это по возрасту у вас все, ничего не поделать».

– Да как тебя спутать, дорогой. – Юфия Григорьевна в своем выборе не сомневалась. – Ты не бойся, я тебе вопросик один задам всего. Где тут у вас кабинетик потише?..

Кречет было рванул локоть, чтобы высвободиться из крепкой старушечьей хватки, но стоило наклониться к Юфии Григорьевне, как на него пахнуло сухо и горько. Травяно. Полынно. Очень знакомо, но не так, как Кречет привык. Никакого тумана рядом с бабкой не было. И смерть ее перед глазами не разворачивалась, как пыльный рулон старого ковра. От бабки просто пахло полынью. Как от самого Кречета. Нина порой жаловалась, что после него в ванной пахнет, как в аптеке. Горечью травяной. Никакой дезодорант с химозной вонью в составе не мог скрыть этот запах. А Юфия Григорьевна, кажется, и не старалась.

– Унюхал? – разулыбалась она. – Ну и молодец. Пойдем, времени у меня кот наплакал.

Кречет повел ее в ближайший пустой кабинет для осмотра, щелкнул замком и остался стоять лицом к двери, пока старуха усаживалась на кушетку, будто и правда готовилась к осмотру.

– Ну чего испугался-то? – спросила она. – Что почуял полынь, это молодец. Но я тебе не вражина какая-нибудь. С советом непрошеным явилась, это правда. Но совет кушать не просит.

– Значит, я все-таки не один такой, да? – резко выпалил Кречет, разворачиваясь к бабке лицом.

Она молча кивнула.

– Охренеть. – Кречет подошел к стулу, вцепился в спинку. – Вот точно знал, что это не я крышей еду, а просто неизу-

ченные способности мозга. Даже название придумал – мор-
тальная гиперестезия...

Бабка звонко рассмеялась и откинула косу за спину.

– Ох и дурак! Другие боятся, в церковь бегут, с крыши си-
гают. А это название придумал и рад. – Смеяться она про-
должала, но глаза были грустными. – Ты мне вот что скажи,
я к тебе первая наведалься про полынюшку поговорить? Или
приходил уже кто?

– Если бы приходил, я бы так не удивлялся. – Кречет обо-
шел стул и осторожно присел, колени у него подрагивали.

– Ну если не приходили, то и славно. – Юфия Григорьевна
ловко соскочила с кушетки. – А коли придут, гони к черту
лысому. И никаким обещаниям не верь, понял меня?

– Бред какой-то.

Кречет сжал кулаки и разжал. Раздражение собралось в
кончиках пальцев и начало легонько вибрировать. Но не
драться же с бабкой? Даже если она смотрит так насмешли-
во, как на первоклашку, зашедшего по ошибке в приемную
комиссию универа.

– Голову не забивай, Костя. Я за тобой поглядела немнож-
ко, ты хорошо справляешься. Дар свой во благо пустил, лиш-
них мыслей не думаешь, семье своей помогаешь. Так и живи.

– Я у вас совета не просил – начал Кречет, но бабка его
перебила:

– А я, Костя, не советую. Предостерегаю я. Чтобы еще
один дурачок на полынном поле прахом не развеялся.

– Так, ладно. – Кречет хлопнул вспотевшими ладонями по коленям и встал. – Давайте я вам направление выпишу к психиатру. В вашем возрасте, Юфия Григорьевна...

– Юфа, – поправила его бабка. – Меня полынные люди Юфой зовут. А направлением этим ты себе, Костя, задницу подотри. Я тебе, может, главные слова сказала, а ты со мной как со старухой безумной. Нехорошо.

Теперь ее глаза искрились смешинками, зато голос стал дребезжащим и надрывным. И Кречет как-то сразу успокоился. Деменция. Все эти скачки настроения, когнитивные сбои, фантазия неумная. А что попала своим бредом точно в Кречета, так совпадение. Редко, но бывает.

– Если направление вам не нужно, то нечего время у меня отнимать.

И пошел к двери, стараясь держать спину ровно. Юфия Григорьевна послушно двинулась за ним.

– Я-то пойду, мне и нельзя тут больше. Но ты помни, Костя, если кто посулит желание твое исполнить, не верь. Ничего хорошего они не умеют, только отнимать, лгать и пако-стить.

Кречет повернул замок, выпустил бабку в коридор и задержал дыхание, чтобы не учуять ее полынный дух. Та юрко проскользнула мимо. Кречет проводил ее взглядом. В седую косу она вплела зеленую ленту.

«Не ленту, – решил для себя Кречет. – А полынную веточку. Вот она и пахла».

Эта мысль оказалась настолько спасительной, что колени тут же перестали дрожать.

– Ты чего с бабками по смотровым шарисься? – спросил его Кропоткин, по обыкновению пробегая мимо. – Там с ДТП двоих привезли. На одном пара царапин, а второй – в фарш. Угадай, кто из них на мотоцикле был?

«Тот, от которого будет вонять полынью», – подумал Кречет.

И до вечера он гнал из мыслей назойливую бабку, и до вечера думал про нее, как заведенный. Про глаза – блекловатые от старости, но цепкие и живые. Про ладони, которые она спокойно сложила на коленях, пока сам Кречет ерзал и потел. И про косу с полынной веткой.

– Кость, ты где витаешь? – спросила его Нина, когда он в третий раз не ответил на ее рассеянный дежурный вопрос, мол, как там день твой, какие новости.

– Да голова работой забита, – отмахнулся он. – Постоянно дергают по ерунде, присесть некогда.

– Это ты мне рассказываешь? – поморщилась Нина.

Она как раз смешивала для Евочки питательную жижу, остро пахнущую клубникой. Кречет отвел глаза. Обесцвеченный усталостью вид сестры погружал его в вину и отчаяние. Хотелось вскочить, встряхнуть ее за плечи, вырвать из рук пластмассовую бутылочку, в которой она методично разбивала комочки смеси, и вытолкать на улицу, где только шумело лето – пыльное, черемушное московское лето. Евочка в

комнате недовольно замычала, Кречет поднялся из-за стола и пошел к ней. Евочка лежала в манеже. К седьмому году она еще не переросла его. Перебирала тонкими ручками в воздухе, приподнимала голову, но сесть сама не могла. Кречет подошел, приподнял ее, усадил и подпер подушкой, чтобы не завалилась. Евочка распахнула глаза, уставилась на него и заулыбалась. Агукнула что-то радостное, вцепилась в руку Кречета своей. И сразу стало легче дышать.

– Мартышка, чего нытье развела? – спросил он, присаживаясь рядом с манежем.

Евочка насупилась, но пальчики сжала еще сильнее.

– Скучно тебе тут? – предположил Кречет. – Лежишь целый день, мультики по кругу гоняешь.

Евочка сморщила нос и пустила ниточку слюны. Пришлось тянуться и промокать его салфеткой.

– Ну я же не могу ее одна таскать! – огрызнулась Нина, возникая позади Кречета. – Ты на дежурстве пропадаешь, мама на смене. А как я ее одну с крыльца спущу?

– Нин, я же не в укор тебе... – попытался сгладить Кречет, но не вышло.

– Все вы не в укор, как же! – Она отцепила пальцы Евочки от руки брата, подхватила ее и понесла к стулику для кормления. – Живете там свою жизнь, а по вечерам с советами лезете. Как мне правильно тут справляться.

Кречет сглотнул, потер лицо. Осторожно поднялся с пола и встал позади Нины. Больше всего ему хотелось зарыть-

ся носом в ее волосы, как он делал в детстве, чтобы Нина защитила его и спасла. Вот только спасать теперь, кажется, нужно было ее. Но как – Кречет не знал. И просто застыл, тяжело опустив руки. Наблюдал за привычными движениями сестры. Вот она закрепляет Евочку ремнем, чтобы та не соскользнула. Вот присоединяет бутылочку со смесью к соске. Кречет множество раз видел, как пышущая раздражением Нина в секунду становится нежной и осторожной, стоит ей только приблизиться к дочери. Сам он не умел переключаться так стремительно. Да и так ловко кормить Евочку – тоже.

– Давай я тебе помогу, – предложил он, зная, что Нина не позволит.

– Иди уже, помощник. – Она даже не оглянулась. – Сам знаешь, Евка не станет есть с других рук.

Кречет хотел было поспорить, но затрещал дверной звонок. Евочка булькнула и зашлась рыданием. Нина сдавленно чертыхнулась, а Кречет понесся к двери, чтобы прервать этот невыносимый звук. Если не детского плача, то хотя бы звонка. На пороге стояла мама, руки ей оттягивали два гигантских пакета.

– Разбудила? – испуганным шепотом спросила она. – Никак ключ не могла достать.

Ответить Кречет не успел. Евочка выдала совсем уж отчаянный рев. Мама сникла. Кречет забрал у нее пакеты и понес на кухню. Голова раскалывалась так, что закладывало уши.

То ли мигрень начиналась, то ли он просто больше не мог находиться дома. Среди всей этой усталой безысходности.

Пока мама что-то пристыженно бормотала в спальне, Кречет наскоро обулся и выскочил в подъезд. Чем быстрее мелькали у него под ногами ступеньки лестницы, тем легче становилась голова. И все поганее становилось на душе. Так что Кречет решил довериться ногам.

Они несли его по тротуарам. Отцветала сирень, желтые головки одуванчиков на газонах уже поседели, девушки переоделись в лен и хлопок, парни сменили кроссовки на кеды полегче, самокатчики набирали скорости, чтобы в приемных покоях городских травмпунктов не успевали заскучать врачи. На дежурство Кречету было только завтра, а вечер сгустился так томно и пахло так сладко, что отчаянно захотелось пива. Горьковатого, с плотной пенкой. Холодного настолько, чтобы по стакану стекал конденсат.

Кречет огляделся. Район, куда он бездумно дошагал, не разбирая дороги, казался незнакомым. Родительская квартира и без того была в спальнике, а вышел он к городскому отшибу – унылые пятиэтажки, парочка серых высоток, продуктовый магазин и заросшее травой поле, к которому пока еще не дотянулись руки строителей очередного ЖК. Пивом из запотевшего стакана тут и не пахло. Только теплым пойлом на розлив из бочки, где, по заверению городских легенд, обитали плотоядные черви. Кречет чертыхнулся и полез за телефоном, чтобы выстроить маршрут до ближайшей

пивной, когда на нижнем этаже дома, стоящего на границе с полем, мигнула и зажглась вывеска. Кречет машинально прочитал название. Замер. Прочитал еще раз. Загрузил-таки карту района, изучил местность. И снова чертыхнулся.

Бар «Полынь» в списках местных заведений не значился. Но и исчезать тоже не планировал. Кречет постоял еще немного. И пошел на свет вывески. Других планов на этот вечер у него все равно не было.

Как и не было других посетителей в баре. Но это Кречета не удивило. Стоило толкнуть дверь и войти, и на него пахнуло таким плотным и горьким духом полыни, что все вопросы к названию испарились сами собой. Кречет закашлялся, глаза заслезились, пока он тер их, из подсобки к барной стойке вышел мужчина и посмотрел на Кречета с вежливым интересом.

– Добрый вечер, – сказал он и неожиданно протянул Кречету руку через стойку. – Артем.

– Костя, – замешкавшись, представился Кречет, ответил на рукопожатие и добавил: – Добрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.